

ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БОЛГАРСКОГО ГОВОРА СЕЛА ЗАРЯ, ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

С. И. Георгиева (Одесса)

Цель предлагаемого исследования — раскрыть современное состояние зарянского диалекта, представителя так называемой группы *смешанного балкано-фракийского* типа говоров, сравнить с данными, представленными в “Атласе...”.

Объектом данного исследования является морфологическая система переселенческого говора с. Заря, который представляет уникальную смесь различных языковых явлений, характерных для отдельных болгарских диалектов. Вследствие этого в говоре создалась своеобразная дублетность различных однозначных языковых форм.

Сбор материала производился в соответствии с установленными принципами в болгарской диалектологии. Материалом для анализа послужили записи, сделанные в мае 2002 г.

Фракийский говор не представляет полного единства. Тут различают два подговора – один северный, связанный с балканскими говорами, а другой южный, связанный с родопскими говорами. [4:125].

Подбалканский говор (в прошлом – сливенский говор) характеризуется следующими особенностями:

Важнейшей и характерной чертой подбалканского говора, которая отделяет его от остальных балканских говоров и сближает его с пирдопским, ботевградским и остальными а-говорами, это *а* под ударением в глагольной флексии 1 л. ед. ч. наст. времени (*мита, плита, чита, измура, нарида*) и у имен ж. р. на *-а* (*гура, магла, рака, уда*). [5:117].

1. Специфика именной системы говора следующая:

1. Признаком женского рода является окончание *-а* (или *-я*): *жинá, уда* (интересно отметить то, что в “Атласе...” на к.№53, а) *ъ* (*удъ*) и *а* (*уда*), идет замена *ъ* на *а* – т. е. в двух говорах уже шла замена и на сегодняшний день имеем законченный вариант), *булка, пипируда, гудина, падушка, баба, змиѝа, упáшка, тѝква, каструла, мраснѝца, врѝфца...*

2. В историческом развитии болгарского языка некоторые существительные изменили свой род. Существительные *вечер, жар, пот, кал, прах* относились к мужскому роду. Сейчас они показывают колебание, двойственность по отношению к категории рода. К таким существительным мы относим слова: *кал* (*насиѝ тѝо кал в дѝквата; дунсѝ калтѝ ут дѝра*) – м. р. и ж. р., *т'ел* (*хубаф т'ел си дун'ел*) – м. р., *в'ечар* (*вичартѝ духаѝдай ф нас; дѝбар в'ечар; тѝа в'ечар шидим на гѝсти*) – м. р. и ж. р., *п'ѝн'ал* (*исфарли п'ѝн'ала ут плита-*

та; *n'ep'al'tь cылну гур'еита*) - м. р. и ж. р., *жар* (*cыл'ан жар на дг'ана, убири са ут жартъ*) - м. р. и ж. р.;

3. Односложные имена мужского рода образуют множественное число с помощью характерного для литературного языка окончания *-ове*, которое в говоре имеет вариант безударной флексии *-уй*: *гр'ахуй, сватуй, д'еиуй, cылнууй, бр'азуй, даруй, дъждуй, мр'азуй, чужуй, трънууй, цамуй, мъжуй*.

Вариант *-ови* под ударением зарегистрирован в словах – *пупови, дурови, стулови, улови, цубови, нужови, снупови...*

4. Модель с акцентуацией флексии *-е*: *кунѐ, мажѐ*. Формы, образованные с помощью этой модели, в говоре малочисленны.

Флексии *-уй* и *-е* находятся в конкурентном употреблении в случае: *мъжуй // мажѐ*.

5. Существительные имена, основная форма которых в единственном числе заканчивается на согласный *к*: *ичумик-ичумици, тикв'еник-тикв'еници, б'елтк-б'елтци, бьбрик-бьбрици, изик-изици, зайак-зайци, мозак-мозаци, пайак-пайаци, улук-улуци, полак-полаци, но унук // внук // внуки*. По мнению Ст. Младенова: "Пред окончаниего –и крайната задноезична к от основата се редува с ц, като резултат от историческата втора палатализация. Исключения правят някои форми, напр. *мустак - мустаки* (*мустаци - ново*), *рак - раки* (*раци - ново*)". [6:262 – 263] В говоре села Заря одновременно функционируют формы *мустаки* (*мустаци*).

6. Архаичные парокситонные формы для мн. ч. существительных имен ж. р. — *жѐни, дъжи* (характерная особенность рупских говоров): // *Д'е са ходили те: ж'ѐни // Нариди дъжити на дора рамну* //

7. Членная морфема для существительных мужского рода *-ъ* (под ударением), *-а* (в безударной позиции), *'а* (после мягких), *-у*: *мажъ, синъ, кумина, триона, дирнека, пашой'а*; для ж. р. – *-та*: *удата, гурата, жината, фиданата, удварата*; для ср.р. – *-ту*: *селуту, дитету, винуту, мисоту, брашноту*; для мн. ч. – *-та, -ти*: *хората, дицата, прасцити, кудожити, пил'ата*.

Разграничивают северо-восточные болгарские говоры *ъ*-диалекта, *а*-диалекта и *о*-диалекта. В говоре с. Заря не отмечена тенденция к исчезновению членных форм.

8. Членная морфема прилагательных имен м.р. – *-е*: *л'ев'ее, п'ерв'ее, гул'ем'ее // П'ерв'ее път утивам у тах на гости пудар свадбата // Унда даду на л'ев'ее крак куцука // Гул'ем'ее хи син фармиата* //

9. Для образования качественных прилагательных используется суффикс *-цик* (восточные рупские говоры): *жѐнцки, биулки, турки, хорцки* (в речи жителей самого старшего поколения — 60 – 80 лет) и *-ски*: *жѐнски, турски, хорски*: // *Та да си знай жѐнцката рабута, ас си знам мъшката* // *Та глѐда пу биулки и си прай пу свойшму* // *Колку път'а му думам да жувеѐ пу хорски* //

10. Функционирование личных местоимений с характерным рупским *х* – *хи, нехи, хни, хми* (характерная особенность восточных рупских говоров). Форма *хми* получена в результате метатезы формы *хим*. В дательном паде-

же в 3 л., ед. ч., ж. р. употребляются местоимения *и* и *хи*: // *Гату хи умйрат дицата на мунчету му тургат убица на ушоту // Башта хи мой брат // Кой хим каза тва брихн'а* //.

В восточных рупских и родопских говорах одновременно употребляются обе формы -*хим* и *хми* [7:253].

11. Характерной особенностью говора является наличие у притяжательных местоимений нескольких форм в 3 л., ед. ч., ж. р. — *нейан* // *нейна*: // *нехин*: // *Нейан Иван ходи на рабута // Нейна: брат служи в армията // Нехин башта беши присидат'ал* // 3 л., мн. ч., ж. р. — *нейни* // *нехни*: // *Нейнити песни ги пейат внукити // Нехнити дица жувеят в горуда* //.

12. Использование характерных для фракийских говоров причастий, образованных от сокращенной основы: *снел*, *дунел*, *фнел*, *фл'ал*, *сл'ал*, *из'ал*: // *Н'еска кукошкити сн'ели пойчи ица чем фчера // Петар дун'ел връфца за арката // Д'е си фн'ел тва кучи фкшити // Иван фл'ал убут и исцана сичке: пол // Кол'у изл'ал нахакан с тва машина* //.

13. В зарянском говоре (как и в фракийских говорах) употребляется большое количество наречий, заимствованных из турецкого языка: *зорлен*, *хамен*, *барим*, *кумай*, *гирчек*: // *Зорлен да идиш у тах // Хамен ша напрайши тва рабута // Барим да си си утищыл // Са кумай си млат чи да са фал'аш // Гирчек д'е напреж'ан си ход'ала* //.

II. Специфика темпоральной системы говора такова:

1. Наличие форм глагола *съм* в настоящем времени для 1 л. мн. ч. — *ни сми*, 2 л. мн. ч. — *ви сви*: *Ни сми хубай // Што сви такйва сардити* // и отсутствие формы для 3 л. ед. ч.: *Той каприз'ан силну // Той красйва булка // То болну* //.

2. Употребление глагола *шта*: *//Кькту штят тый да праيات // Коуту ште, той иди* //.

3. Сохранение и употребление синтетических форм прошедшего времени, т. е. аориста и имперфекта (окончание в 3 л. мн. ч. — *-ха* и *-а*): *// Истръс'ах каврити // Де ход'ахти тый дал'еку // Те си додаха ут Ад'еса // Л'ел'а ми уши рокла // Ран'ши по-трудну са жувеиши / нитишу н'амаши // Т'е дългу прайаа кучината* //.

4. В говоре форма простого будущего времени образуется с помощью частиц *ша* (*шь*) и *жа*: *ша митем, шь мита, ша карам, жа зема, жа си ида*. Часто в речи жителей старше 60-ти лет употребляется частица *жь*. В “Атласе...” (к. № 66) в исследуемом говоре зафиксированы частицы *же* (*жъ*), *ше* (*ште*), а как самый используемый вариант — *ша*. Поливариантность частицы *ше*, как в прошлом, так и сегодня, одно из ярких доказательств отсутствия единства в говоре. Эти фонетические варианты характеризуют различные диалекты метрополии, где имеют еще большее разнообразие вариантов — *ште*, *ше*, *че*, *же*, *к'е*, *к'у* и др. [7:237].

Ст. Стойков отмечает, что частица *ша* (*шь*) распространена в балканской области, а *жа* (*жъ*) встречается в основном в двух регионах — Южной и

Северной Болгарии. [5:237]. Имея в виду современное состояние говора, приходим к выводу, что вариант *жа* (*жъ*) находится в ограниченном употреблении, а вариант *ша* (*шъ*) окончательно утвердился. Это говорит о том, что представители ша (*шъ*) говоров, т. е. переселенцы из балканской области, были в преобладающем количестве.

5. Выпадение частицы *да* в отрицательной форме будущего времени: // *Н'ама ги збирам* // *Н'ама чита* // *Н'ама играя* //.

6. Функционирование в говоре форм будущего времени в прошедшем типа – *штéши да пиша* для 1 л. ед. м.: // *Фчэра штéши да дóйа* / *но ни мужак* // *Штéши да пиша* / *но ма бул'а пръста* //.

7. Наличие в говоре пересказывательного (несвидетельского) наклонения, которое используется в тех случаях, когда говорящий рассказывает что-то со слов другого лица: // *Хóра: та кáзо: т чи хубуу сам гóтв'ала пу свадбити* // *Прикáзо: чи пу уна: той ход'ал в Румина: та да рабути* //.

Итак, анализ морфологических особенностей рассмотренного нами зарянского говора раскрывает самые существенные особенности говора. Зарянский говор как единая микросистема включает значительные дифференцирующие особенности различных диалектов. Это говорит о том, что произошло смешение говоров из различных лингво-географических областей метрополии. Можно сказать, что исследуемый говор связан одновременно как с северными, так и с восточноболгарскими диалектами, а в некоторых случаях и с западноболгарскими. По нашему мнению, в становлении говора с. Заря участвовали не менее трех диалектов, что подтверждает представленный анализ, а именно – балканский, фракийский и рупский.

Литература

1. Атлас болгарских говоров в СССР. — М., — 1958.
2. Барболова З., Колесник В. Говорът на българите в с. Кирнички, Бесарабия. // Българските говори в Украйна. Вип. 1. — Одеса, 1998.
3. Барболова З. Българският говор в с. Червоноармейское (Кубей), Бесарабия. // Българските говори в Украйна. Вип. 2. — Одеса, 1999.
4. Бояджиев Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. — С., 1991.
5. Младенов Ст. История на българския език. — С., 1979.
6. Стойков Ст. Българска диалектология. — С., 1993.